

ПАРТЕР

Мария
ТРОИЦКАЯ

📍 А как там в Париже?

парижская
АРХИТЕКТУРА

[*от ампира до модернизма*]

Мария Ильинична Троицкая

Парижская архитектура:

от ампира до модернизма

Серия «ПАРТер»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69449635

*Парижская архитектура: от ампира до модернизма: АСТ; Москва;
2023*

ISBN 978-5-17-153042-6

Аннотация

Задумались ли вы, как много можно узнать о европейской истории и развитии архитектуры, просто прогуливаясь по улицам Парижа? Перестроенный с нуля, сегодняшний Париж – результат масштабного эксперимента второй половины XIX века. Лучше всех об этом сможет поведать архитектурный гид и автор телеграм-канала «А как там в Париже?», специалист по творчеству Ле Корбюзье, Мария Троицкая. Прочитав эту книгу, вы не только начнете разбираться в архитектурных стилях, но и узнаете, какие процессы в обществе движут архитектурной модой.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Парижская архитектура: от ампира до модернизма	6
Глава 1. Османизация Парижа	9
Средневековый город	10
Префект Парижа, изменивший город	28
Финансирование османизации	40
Сохранение памяти	49
Человек, запечатлевший средневековый Париж	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мария Троицкая

Парижская архитектура: от ампира до модернизма

© ООО «Издательство АСТ», 2023

© Мария Троицкая, 2023

* * *

Меня зовут Мари Троицкая, 27 лет назад я родилась в Москве в семье архитекторов, а последние 7 лет я живу в Париже. Вот, что я успела за свою жизнь до того, как написать эту книгу:

Хотела поступить в МГУ на журналиста, потому что очень любила писать, но в итоге с отличием закончила МАРХИ, написав диплом про Ле Корбюзье.

В 2016 году поступила в одну из лучших архитектурных школ Франции ENSA Paris-Malaquais. С языком проблем не было, потому что учила его с 9 лет и мечтала жить в Париже.

За годы жизни во Франции, помимо получения диплома, я не только обошла Париж тысячи раз и объехала страну вдоль и поперек, но и успела почти месяц пожить в индийском городе Чандигарх, который построил

Ле Корбюзье.

Поработала в фонде Ле Корбюзье.

Сняла концептуальный фильм про центр Помпиду, где главные герои режут торт – точную копию музея, который испекла сама.

Изобрела пять интересных архитектурных маршрутов по городу, по которым возжу сотни любителей архитектуры со всего мира.

А в свободное время я веду авторский канал «А как там в Париже?», который за три года стал самым большим каналом про Францию в Телеграме.

Парижская архитектура: от ампира до модернизма

Когда впервые оказываешься в Париже, возникает ощущение, будто весь город построил один архитектор, что не так далеко от правды. Серо-бежевые дома единой высоты, кружевные кованые балкончики, сизые крыши и череда красных керамических труб, похожих на цветочные горшки. У столицы Франции невероятно сильный архитектурный код: это один из самых узнаваемых городов мира. Покажи фотографию фрагмента дома в самом удаленном уголке планеты – почти любой угадает, где был сделан снимок. Сегодняшний Париж – результат удивительного масштабного эксперимента второй половины XIX века, ни один другой город мира не подвергался таким глобальным изменениям. Удачный он или нет, каждый решает сам. Точно можно сказать одно: практически все поставленные цели перестройки были выполнены. Спустя 150 лет Париж остается туристической меккой и обладает невероятной силой притяжения.

Но на самом деле гомогенность и единообразие города – обманка при беглом посещении столицы. Париж словно полотно импрессиониста: сначала кажется единым приятным глазу цветовым пятном, но стоит приглядеться, как возникают все новые детали и образы. И вот уже крепостная сте-

на XII века гармонично дополняет современный дом 1990-х годов постройки, в средневековой тюрьме уютно расположился один из главных джаз-клубов города, а белоснежная модернистская вилла, будто инопланетный корабль, приземлилась в самом сердце буржуазного квартала. Здесь прекрасно уживаются старина и современность, дополняя и украшая друг друга, и в настоящей книге я попробую разгадать секрет этого дружного сожительства. Со всей решимостью мы ворвемся внутрь плотной ткани города и аккуратно разберем ее на составляющие.

Прожив в Париже семь лет и изучив город как свои пять пальцев, я захотела поделиться с пытливым читателем увлекательной архитектурной историей столицы Франции. Как так вышло, что Париж почти весь выстроен в едином стиле и зачем его решили снести и отстроить заново? И как менялась архитектура до начала Второй мировой войны? Как стили архитектуры видоизменяются и сменяют друг друга под воздействием общества, моды, политики и климата? И, что самое интересное, как научиться безошибочно различать эпохи и стили архитектуры, очутившись в славном городе огней, не будучи искусствоведом и архитектором? Однажды мне захотелось подробно ответить на эти вопросы, из чего и сформировалась книга в ваших руках.

Париж – один из немногих городов, где можно найти прекрасные образцы всех известных нам стилей, от романтики до футуризма и деконструктивизма, охватывающих десять

веков. Я же подробно разберу почти век, с 1850-х до начала 1940-х годов. Условно его можно разделить на четыре периода ярких и самобытных архитектурных стилей, каждый из которых имеет свои направления и ответвления. Но следует помнить: все стили, периоды и эпохи были названы и структурированы искусствоведами и критиками архитектуры позже. Во многом это искусственно созданные течения и названия. Конечно, архитекторы и художники вдохновлялись друг другом, на них влияли общество и политика, поэтому их творчество справедливо объединять в понятие «стиль». Но если спросить самих авторов, они вряд ли бы назвали вам течение, в котором творили. Каждый художник выражает в творчестве только свои мысли, не забывая оглядываться по сторонам и вдохновляться тенденциями. Тем не менее исследователям тех или иных эпох проще изучать искусство, обобщая и объединяя. Нам же проще понимать метаморфозы в архитектуре, относя те или иные здания к стилям и периодам.

Глава 1. Османизация Парижа

Назначенный в 1853 году императором Наполеоном III префектом Сены, отвечающим за городское планирование, Жорж-Эжен Осман получает задание улучшить, украсить и объединить разрозненную средневековую столицу. Он изобретает не только новый современный Париж, но и мощный архитектурный код и эстетику города. За почти двадцать лет барон Осман создал грандиозные авеню, регулярную архитектуру и парки. Именно ему мы обязаны главными осями города, а также архитектурным стилем, у которого позже появились последователи во Франции и в Европе. Но обо всем по порядку.

Средневековый город

В середине XIX века резко встал вопрос о необходимости модернизации французской столицы. В Париже было много от средневекового города: извилистые, плохо освещенные улицы, антисанитария, отсутствие канализации, вспышки болезней и их быстрое распространение из-за высоких домов, узких переулков и плотности населения, а также возгорания старых домов с деревянными перекрытиями. Передвижение по городу часто было тяжелым испытанием: дороги иногда были проложены настолько плохо или не проложены вообще, что парижане редко выезжали из своего района. Интересно, что это разделение на кварталы, районы, округа будто стало частью мироощущения местных жителей. Не покидающие свои улицы парижане создавали особенную атмосферу в разных частях города, а вместе с тем и говоры. И это передавалось с поколениями вплоть до начала XX века. Удивительную запись 1912 года нашли в архивах¹ – одно из первых записанных на аудио интервью. Редкое свидетельство звучания довоенного «парижского» диалекта. Лингвист Фердинанд Брюно захотел записать наречия ремесленников. В беседе 37-летний обойщик Луи Лигаб

¹ France Culture. Аудиозапись «Enregistré en 1912, ce tapissier découvre son accent parisien».

из XIV округа подметил, что его *аррондисман*² становится все более богатым и буржуазным, используя красивый французский глагол *s'embourgeoiser*. Столетняя запись уникальна еще тем, что содержит реакцию человека, впервые услышавшего свой собственный голос. Луи восклицает: «Какой у меня протяжный голос!» Луи рассуждает об акцентах и говорит, что у него говор с Ля Виллет (XIX округ Парижа). Лингвист удивляется: «Неужели есть большая разница в акцентах внутри города?» И обойщик объясняет, что он по акценту может определить, в каком округе Парижа человек обитает. Сейчас, разумеется, все акценты смешались, парижский говор почти исчез, но менталитет «патриота своего округа» сохранился и по сей день.

² Arrondissement – «округ» с французского языка.

«Вид на мост Сен-Мишель в Париже, 1780 год» – картина Жозефа Франсуа Дезире 1833 года, музей Карнавале, Париж

С социальной точки зрения центр Парижа переживал кризис перенаселения и обнищания. Промышленная революция подталкивала людей из провинции искать работу на фабриках и заводах столицы. Столица находилась в ситуации демографического насыщения: в 1850 году население превышало миллион человек. За первые пятьдесят лет XIX века цифра почти удвоилась. Инфраструктура была не приспособлена к миграционному движению в беспрецедентных масштабах. Особую проблему представляло движение транспорта, почти невозможного из-за сети средневековых улиц. Вокза-

лы, построенные в 1830-х годах, не справлялись с пассажиропотоками. В хаосе десятков тысяч конных экипажей и омнибусов^{3, 4}, прокладывающих себе путь через лабиринт узких извилистых улиц, постоянно происходили несчастные случаи. На улицах, выложенных деревянными досками, спотыкались лошади, ломая себе ноги. В городе не хватало света, с наступлением темноты случайные прохожие становились героями криминальной хроники.

Парижане называли свой город «une ville malade» – больной город. Люди часто жили на улице из-за ужасающих условий в темных и сырых домах. Не было и питьевой воды: население снабжали водовозами. Клод-Филибер Бартело де Рамбюто (1781–1869), префект Сены между 1833 и 1848 годами, установил несколько водоклонок, но их было недостаточно. В столице не было канализации, если не считать нескольких километров. Буржуазия давно уехала в западные пригороды, обживая особняки Сен-Жерменского предместья, некоторые оставались в городе, но за высокими глухими стенами дворцов в Марэ. Состоятельные семьи переезжали в западные районы не только потому, что там было чище и больше места. Во время индустриализации богатые хотели избежать черного загрязняющего дыма недавно отстроенных угольных заводов. В Париже ветер дует в основном с запада

³ На записи Луи Лигаб использует «une voix traînarde».

⁴ Омнибус – многоместная повозка на конной тяге, вид городского общественного транспорта, характерный для второй половины XIX века.

на восток, туда же уходит и дым. Кстати, с тех пор западные города Сен-Жермен-ан-Ле и Сан-Клу остаются заселенными в основном обеспеченными французами.

Использованную воду и бытовые отходы французы выливали и выбрасывали во внутренние дворы и на проезжие части из окон. В качестве меры предосторожности важно было крикнуть: «Осторожно, вода!» – чтобы пешеходы успели отбежать в безопасное место. В антисанитарии быстро размножались микробы. В 1832 году жестокая эпидемия холеры за шесть месяцев унесла более 18 400 жизней, следующая волна в 1849 году убила 19 184 человека⁵. Из заключения официального расследования страшной эпидемии холеры 1832 года: «Прежде всего необходимо срочно высвободить центр Парижа, открывая улицы во всех направлениях, создавая общественные площади, достаточно просторные, чтобы их можно было засадить деревьями, и, наконец, распространить свет и жизнь в этих малоизвестных районах, где половина населения печально прозябает, где воздух такой гнилой, улицы такие узкие, а смерть так активна, что там она поражает больше, чем где бы то ни было»⁶. К страху перед заразой можно добавить и политический страх перед народными массами недовольных, живущими в двух шагах

⁵ *Rene Le Mee. Le cholera et la question des logements insalubres a Paris (1832–1849) // Population. 1998. Vol. 53-1-2. P. 379–397.*

⁶ *Rapport sur la marche et les effets du choléra-morbus dans Paris et dans le département de la Seine. Paris, 1832. P. 202.*

от власти. Тридцатые годы XIX века – период перманентных восстаний в центре Парижа.

Следует отметить, что вопрос о необходимости прокладки дорожных осей через центр был инспирирован и бизнес-сообществом того времени. Риелторские компании, связанные с банками, чья деятельность была активной в пригородах, жаждали заполучить земли в центре. Сеть новых улиц, вносящая порядок и свет в старую городскую ткань, могла привести к значительной переоценке стоимости земель – к тому, что в недвижимости называется прибавочной стоимостью, основанной на убеждении, что новые буржуазные постройки, возведенные вдоль новых бульваров, сразу найдут обеспеченных арендаторов.

Хорошо изображен средневековый Париж в книге Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы»: «Улицы воняли навозом, дворы воняли мочой, лестницы воняли гнилым деревом и крысиным пометом, кухни – скверным углем и бараньим салом; непроветренные гостиные воняли слежавшейся пылью, спальни – грязными простынями, влажными перинами и остро-сладкими испарениями ночных горшков», – а затем показан режиссером Томом Тыквером в одноименном фильме. Эжен Сю в «Парижских тайнах» 1843 года ярко описывал районы Парижа: «Дома цвета грязи пронизывали редкие окна с прогнившими рамами и почти без стекол. Темные, отвратительные переулки вели к еще более темным, отвратительным лестницам, и так отвес-

но, что по ним едва можно было подняться с помощью колодезной веревки, закрепленной на влажных стенах железными хомутами. Первые этажи некоторых из этих домов были заняты прилавками угольщиков и торговцев потрохами и плохим мясом. Несмотря на низкую стоимость товаров, фасады почти всех убогих лавок были затянуты проволочной сеткой, так боялись продавцы дерзких воров района».

Во времена дореволюционной Франции⁷ во многих официальных декларациях или нормативных актах говорится о «городе и его пригородах», по-французски используется слово *faubourgs*, этот термин позже вошел в названия улиц и метро. Правый берег Сены, по-французски известный как *rive droite*, находящийся на карте города сверху, представлял собой сеть районов, включенных в стены XIV века, так называемую крепостную стену Карла V. Она будет в значительной степени расширена на запад в XVII веке. После ее вывода из эксплуатации Людовиком XIV в 1676 году границы оградительных сооружений позже станут Большими бульварами, или *Grands boulevards*, большой непрерывной дугой, проведенной от нынешней площади Согласия к Бастилии. На левом берегу, или *rive gauche*, снизу от реки, застройка всегда была скромнее и ограничивалась в первую очередь районами, включенными в крепостные стены Филиппа-Огюста XIII

⁷ Политический и социально-экономический режим, существовавший во Франции приблизительно с конца XVI – начала XVII века до Великой французской революции.

века. Следы ее, после разрушения в 1704 году, превратились в прерывистую линию бульваров – boulevards du Midi.

План Тюрго является настоящей легендой в мире картографии: точная аксонометрия города создана между 1734 и 1739 годами

Именно в городе – настоящем центре Парижа накануне французской революции – сосредоточивалась большая часть населения. С течением времени вокруг этого центра сложились пригороды: Сен-Оноре, Сен-Жермен, Сен-Антуан, Сен-Марсо, предместье Тампль и другие. Те, что сейчас считаются богемными центральными районами Парижа. В 1783 году эти городки должны были быть включены в новый налоговый периметр расширяющейся столицы с целью более

строгого сбора налогов за въезд, или октруа⁸, которой подчинился город в целом. Этот обновленный городской периметр теперь был обозначен новой крепостной стеной генеральных откупщиков, или *Mur des Fermiers généraux*, перемежающейся знаменитыми проходами, «барьерами» по проекту архитектора Клода-Николя Леду (1736–1806). Людовик XVI одобрил проект, и стена была возведена в начале 1780-х годов. Откупщики начали контролировать ввоз товаров и продуктов в город, взимая мзду. Таможенно-налоговая программа сильно не нравилась парижанам. Тогда появилась сатирическая песенка с игрой слов: от стены, замуровавшей Париж, стенает Париж – «*Le mur, murant Paris, rend Paris murmurant*». Знаменитое здание **Ротонды** возле метро Stalingrad 3 в XIX округе Парижа и элегантная **ротонда**, украшающая вход в парк Монсо в VIII округе, два из сохранившихся «барьеров» стены откупщиков авторства Леду.

Во время революции 1790 года административные пределы коммуны были отодвинуты к линии заграждений: Париж присоединил к себе свои «фобуры». Эта реорганизация границ приводит к четкому разделению центра и периферии, исторических районов и пригородов, которые вписаны между новой внешней границей города и линиями старых ограждений, превращенных в бульвары. Так выглядел романтиче-

⁸ В Средние века так называли сборы или внутренние налоги, взимавшиеся при ввозе товаров на территорию города. Так назывались и привилегии монопольных торговых компаний XVI–XVIII веков. В XIX веке отменены в результате создания единого внутреннего рынка.

ский Париж эпохи Бальзака, таким он достался в руки Жоржу-Эжену Осману.

Желание улучшить и модернизировать Париж было и раньше. Еще Вольтер в брошюре 1749 года «Благоустройство Парижа»⁹ клеймил низость духа своих современников. «Мы не без оснований краснеем, видя, как на узких улочках устроены публичные рынки, демонстрирующие грязь, распространяющие заразу и вызывающие постоянные беспорядки. У нас есть только два фонтана в большом стиле, и они далеко не выгодно расположены; все остальные достойны деревни. Большие районы требуют общественных площадей; и хотя триумфальная арка ворот Сен-Дени и конная статуя Генриха Великого, эти два моста, эти две превосходные набережные, этот Лувр, Тюильри, Елисейские поля равны или превосходят красоты древнего Рима, центр города, темный, тесный, безобразный, представляет собой время самого постыдного варварства. Мы повторяем это снова и снова; но до каких пор мы будем говорить, бездействуя?»

⁹ Voltaire Des embellissements de Paris. Œuvres complètes de Voltaire. Garnier. T. 23. P. 297–304.

Ротонда Николая Леду возле станции метро «Сталинград»

Ближе к концу XVIII века создание осей в центре Парижа представлялось властями как острая необходимость: этому подчинялась застройка набережных Сены и разрушение домов на мостах. Во время французской революции в 1794 году осуществляется план по созданию улицы, соединяющей площадь Нации с большой колоннадой Лувра по прямой линии. Являясь продолжением авеню Виктория, улица превосхищает будущую главную ось восток – запад. В 1807 году, во время правления Наполеона Бонапарта, начинается строительство первых аркад на улице Риволи, являющейся сей-

час центральной улицей города. В 1830-е годы префект Рамбюто отмечал проблемы с гигиеной в переполненных старых кварталах: «В миссии, возложенной на меня Вашим Величеством, я никогда не забуду, что моя первая обязанность – обеспечить парижан водой, воздухом и тенью»¹⁰. В 1836 году в центре Парижа, между улицами Франс-Буржуа и Сент-Эсташ, была проложена улица, носящая и по сей день его имя. Правда, довольно скромная по масштабам Османа, всего 13 метров в ширину. Рамбюто очистил тротуары, создав 450 общественных писсуаров. Недоброжелатели тут же окрестили их «колоннами Рамбюто». Разозлившись, префект переименовал писсуары в «веспасианы» в честь римского императора, который первым обложил налогом сбор мочи, по легенде объявив, что «деньги не пахнут».

¹⁰ Mémoires du Comte de Rambuteau.

Ротонда возле парка Монсо

В начале XVIII века компенсацию владельцам земли на разрушенной улице полностью или частично выплачивали владельцы соседних улиц. Власти полагали, что их земля выиграет от увеличения стоимости, вызванного строитель-

ством новой улицы. В XIX веке ряд законов 1807-го, 1833-го, 1841 годов очень точно регулировал процедуру экспроприации, создав, в частности, суд присяжных под председательством магистрата для определения контрибуций, очень внимательного к рассмотрению претензий собственников. Последний закон об экспроприации земель в общественных интересах от 3 мая 1841 года был принят по инициативе префекта. Правда, Рамбюто так и не успел им воспользоваться, не получив от властей ни оснований, ни средств, необходимых для проведения своей политики модернизации. Зато именно этим законом будет активно пользоваться в более широком масштабе префект Осман с 1853 года.

Избранный в 1848 году президентом Французской республики, первым во французской истории, Луи-Наполеон Бонапарт, племянник Наполеона I, через три года совершает государственный переворот и провозглашает себя императором Наполеоном III.

В погоне за властью он успел шесть лет просидеть в плену, оттуда в 1846 году он уехал в Лондон, где прожил два года. Именно столица Великобритании сыграла важную роль в последующих изменениях Парижа. Лондон был разрушен во время сильного пожара 1666 года и два века спустя стал образцом городского планирования в Европе. Кстати, еще тогда, в XVII веке, он повлиял на облик французской столицы. После того как разрушительный пожар уничтожил 13 200 домов всего за три дня, власти Парижа запретили строитель-

ство новых деревянных домов и потребовали замазать деревянные конструкции на фасадах, фахверк, штукатуркой, чтобы сделать их более огнеупорными. Так Париж окончательно потерял очаровательные фахверковые домики, которыми сегодня гордятся регионы Эльзас или Бретань. Сейчас в столице их только три.

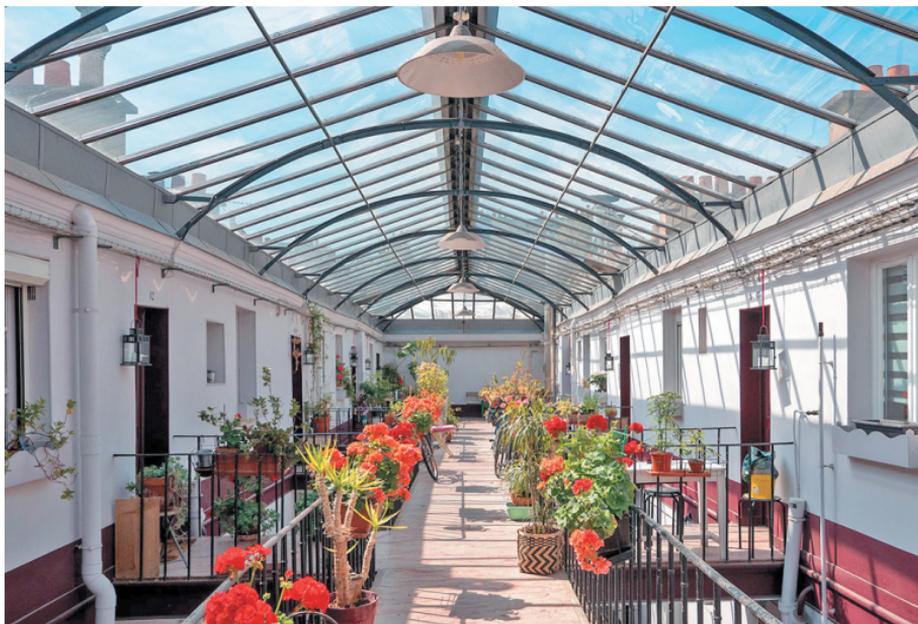
Будущий Наполеон III был очарован современностью английской столицы. В городе легко дышится, улицы и набережные расширены, дома возведены из кирпича и камня, цветут сады и бескрайние зеленые насаждения, над которыми величественно возвышаются памятники архитектуры, а панораму украшает собор Святого Павла. Он увидел поистине великую столицу, оборудованную удобной сеткой улиц и километрами канализации, и страну, преобразованную промышленной революцией.

Еще в 1850 году, до государственного переворота, первый президент хотел начать процесс модернизации столицы, заявляя, в частности: «Париж действительно сердце Франции; давайте приложим все усилия к тому, чтобы украсить этот великий город, улучшить жизнь его жителей. Откроем новые улицы, очистим рабочие кварталы, лишённые воздуха и дневного света, и пусть благотворный свет солнца проникнет повсюду в наши стены»¹¹. Он был полон решительности изменить Париж и создать мировую столицу. Ему нра-

¹¹ 10 décembre 1850, Un banquet est offert au Président à l'hôtel de ville. M. le Président de la République répond en ces termes au discours du préfet de la Seine.

вились идеи Рамбюто прошлого десятилетия. Чуткий к социальным вопросам, он хотел улучшить жилищные условия бедняков. Если в 1860 году средняя плотность населения Парижа до его расширения составляла около 36 400 человек на км², то десятью годами ранее плотность населения центрального округа Les Halles приближалась к 100 000 человек на км², люди буквально жили друг у друга на головах. Для сравнения: плотность населения Москвы на сегодняшний день 5080,09 чел/км², а Венеции – 625 чел/км².

Наполеон III был увлечен архитектурой и часто проводил рабочие дни над чертежами, изучая предложения зодчих. В стремлении облегчить жизнь рабочего класса он вовлекается в авантюру строительства первого социального жилья в столице. За проект взялся архитектор Мари-Габриэль Веньи (1775–1850). При разработке проекта он вдохновлялся первым коллективным жилым домом, построенным в Лондоне архитектором Генри Робертсом. В 1849 года Луи-Наполеон отдал 500 000 франков на его строительство. Главной целью было создание двенадцати рабочих жилых комплексов, или типовых домов.

Интерьер Сите Рошшуар

Первый **Сите Рошшуар** был торжественно открыт в 1851 году и сразу стал жертвой ожесточенных дебатов и критики. «Город рабочих» представлял собой четырехэтажный комплекс с внутренним двором и всей необходимой инфраструктурой: прачечными, сушилками, банями и подобием детского сада. На входе круглосуточно находилась охрана, следящая за порядком. Приближенные к власти были обеспокоены высокой концентрацией рабочих, зная любовь французов к забастовкам и бунтам. При этом для низших слоев цена аренды социального жилья была слишком высока, а средний класс не хотел жить в «казарме» под охра-

ной. Несмотря на первый неудачный опыт, Наполеон, увлеченный социальным жильем, продолжит разрабатывать все новые и новые проекты по всей Франции. Позже он будет участвовать в разработке плана комплекса из 41 павильона для рабочего класса на авеню Домениль. Проект представят на Всемирной выставке в 1867 году, Наполеон, без сюрпризов, станет лауреатом за инновацию в строительстве. Интересный момент, что и сегодня Сите Рошшуар по-прежнему является социальным жильем и находится под охраной государства как исторический памятник архитектуры.

Префект Парижа, изменивший город

Парижские жилые дома давно стали символом Парижа и его брендом. По разным данным, от 60 до 75 процентов тка-ни города было построено между 1850 и 1914 годами, боль-шая часть именно в период глобальной модернизации 1853–1869 годов. Облик столицы тесно связан с именем Жор-жа-Эжена Османа, более известного нам как барон Осман.

«Меньше чем за десять лет мы можем сделать Париж чу-дом света... Пусть найдется кто-нибудь достаточно усерд-ный, чтобы реализовать такие проекты», – писал Вольтер в 1739 году. Ушедшего в отставку в 1848 году префекта Рамбюто заменил депутат Жан-Жак Берже (1790–1859). Он поддержал кандидатуру Луи-Наполеона Бонапарта на прези-дентских выборах в декабре 1848 года. Три года спустя Бер-же поощрил и государственный переворот, оставшись вер-ным Наполеону III. На посту главы города префект приказал засыпать камнями набережные Сены и начать строительство канализации. За пять лет работы он поучаствовал в расши-рении улицы Риволи, реконструкции центрального рынка и «чрева столицы» Les Halles, реставрации Лувра, а также ре-конструкции Булонского леса. Однако робкость, неуверен-ность и медлительность Берже привели в ярость страстного и увлеченного изменениями Наполеона. Император осозна-ет, что для глобальных масштабных проектов нужен руко-

водитель с совсем другим характером. Виктор де Персиньи, министр внутренних дел, становится ответственным за отбор наиболее подходящих кандидатов. Он выбирает четырех главных префектов того времени, включая Османа, с которым уже знаком. Незадолго до серии собеседований, в конце февраля 1853 года, министр уже предлагал ему пост главы Лиона, но Осман отказался, пожелав еще больше власти. Пообщавшись в неформальной обстановке со всеми претендентами, Персиньи делает свой выбор.

В своих мемуарах¹² он ярко описывает портрет будущего префекта столицы: «Как ни странно, меня соблазнили не столько способности его замечательного ума, сколько недостатки характера. Передо мной была одна из самых необыкновенных личностей нашего времени. Высокий, сильный, решительный, одновременно энергичный и проницательный, хитрый, с богатым духом. С видимым самодовольством он разъяснил мне основные моменты своей административной карьеры. Для борьбы, сказал я себе, против хитрых, скептических, беспринципных людей, вот совершенный человек [...] Там, где джентльмен самого высокого духа, самый искусный, с самым высоким характером, самый благородный безошибочно потерпит неудачу, этот энергичный атлет с крепким позвоночником, грубой шеей, полный дерзости и ловкости, способный противопоставлять хитрости хит-

¹² Memoires Du Duc de Persigny: Publies Avec Des Documents Inedits Un Avant-Propos Et Un Epilogue.

ростям, ловушки ловушкам, обязательно добьется успеха».

Наполеон крайне доволен выбором министра. Годом ранее он путешествовал по провинциям и заезжал в Бордо, где как раз делами управлял Осман со своей правой рукой Адольфом Альфаном. Чистота города, успешно реализованные урбанистические проекты и триумфальный прием, оказанный властями города, восхитили императора. 22 июня 1853 года Наполеон III назначает префектом столицы 44-летнего Жоржа-Эжена Османа. «Я не мог [...] отказаться от работы ради этой новой миссии, воплощением которой я являюсь и которая далека от завершения, работы, которая рискует погибнуть в менее твердых руках»¹³, – пишет Осман в письме министру внутренних дел. Спустя пять дней он переезжает из Бордо в Париж.

Жорж-Эжен Осман (1809–1891) родился в Париже в семье немецкого происхождения родом из Эльзаса. Отсюда и фамилия, неверно транскрибированная в XIX веке на русский язык. У префекта Парижа довольно распространенная немецкая фамилия Hausmann, которую и стоило бы перевести как Хаусман. Однако под влиянием французского языка на культуру Российской империи переводчики допустили ошибку, используя французское произношение. Отсюда в русскоязычной среде часто путаница и возникающие во-

¹³ Жорж Валанс. Осман... С. 9. Уточняется, что это письмо Османа министру внутренних дел Персиньи датировано 25 ноября 1860 года и происходит из коллекции Персиньи, купленной Национальным архивом в 1998 году.

просы, какая связь между Османской империей и парижской модернизацией. Как видите, никакой. Бароном же он начал называть себя сам, но на законных основаниях титул начали использовать с 1857 года, после его назначения сенатором, а также в память о деде, имперском бароне.

Сын комиссара и военного интенданта Наполеона I и дочери генерала и члена Национального конвента Жоржа-Фредерика Дензела (1755–1828), барона империи, Жорж-Эжен учился в одном из лучших лицеев страны Генриха IV, изучал право и занимался музыкой в парижской консерватории. С 1830 года, став префектом Нерака, начал строить административную карьеру, поднявшись до департамента Жиронды. Под эгидой Османа в Бордо проложили множество дорог, улучшили газовое освещение и водоснабжение, в том числе благодаря строительству трех монументальных фонтанов.

Барон Осман в 1860 году

Трудолюбивый, прямолинейный, ростом под два метра, с внушительной фигурой, Осман завоевал авторитет за двадцатилетнюю карьеру в регионах. Поклонник бонапартизма, он быстро снискал уважение племянника Наполеона I. «Император спешил показать мне карту Парижа, исчерченную им лично синим, красным, желтым и зеленым, новые пути, которые он предлагал создать», – вспоминал Осман о первых встречах с Наполеоном. Между императором и его префектом возникают химия, доверие и полное согласие. Они находятся в постоянном контакте. День и ночь гонцы доставляют срочные сообщения из дворца Тюильри или резиденции Сен-Клу, где обитал император, в парижскую ратушу и обратно. Ни Наполеон III, ни Осман не терпят невнятности, нерешительности, лени. Они видятся по несколько раз в неделю, вне встреч работают почти без остановок. Идеальный симбиоз. У Наполеона III много идей, а барон Осман полон решимости их реализовать.

Довольно быстро император сформулировал главный лозунг, звучавший впоследствии в течение 17 лет стройки: «Paris embellie, Paris agrandie, Paris assainie»¹⁴. 2 августа 1853 года публикуются план и программа по улучшению столицы.

¹⁴ Париж хорошеет, Париж растет, Париж оздоравливается.

**В проекте по украшению города
Парижа император желает
установить следующие правила:**

- 1. Все основные городские артерии ведут к железнодорожным вокзалам.*
- 2. Высота домов всегда равна ширине улиц и никогда не превышает ее.*
- 3. В очертаниях главных улиц делать столько углов, сколько нужно, чтобы не сбить ни памятников, ни красивых домов, сохраняя при этом ту же ширину на улицах, и таким образом не быть зависимым от исключительно прямой линии.*
- 4. Напечатать и опубликовать карту всех проектов по благоустройству.*
- 5. Этот план распространяется и на городские укрепления.*
- 6. Работы вести как на левом, так и на правом берегу.*
- 7. Пусть работа по улучшению начнется с расширения улицы Риволи до улицы Фобур Сен-Антуан; с продления бульвара Страсбург до набережной Сены, через бульвар Мальзерб. На левом берегу начинаем с расширения улицы Эколь до Сент-Маргерит с одной стороны, а с другой – до железнодорожного пирса Орлеана, пересекая Ботанический сад.*

В своих мемуарах министр внутренних дел Персиньи представляет Османа как ответственного администратора. В первой части «Воспоминаний» он рассказывает о его долгой карьере, где префект предстает человеком с любознательным и открытым умом, увлеченный наукой. На каждом посту Осман оценивал сильные и слабые стороны вверенной ему территории, глубоко анализировал технические и экономические проблемы и приступал к реализации модернизации и развития. За годы административной работы он накопил багаж знаний, которые теперь можно было использовать в Париже, выявляя таланты для создания слаженно функционирующей администрации и команды. Прирожденный организатор, он знал, как стимулировать своих сотрудников и воздать им должное. Трудоголик, он без колебаний организовывал очень поздние рабочие встречи, на которые прибывал в форме, бодрый и активный, после какого-нибудь официального вечера. В разговоре со своими инженерами Персиньи шутливо пожаловался, что имеет дело с префектом, который «знает математику», и погрузился в технические документы, чтобы детально их перепроверить.

В целом Осман был удивительным предтечей поколения высокопоставленных технократов в лучшем смысле этого слова, которые столетие спустя возьмут на себя ответственность за великие экономические изменения послевоенного периода и возглавят восстановление Франции в период Чет-

вертой и Пятой республик.

Благодаря всем этим качествам Жорж-Эжен Осман смог в полной мере проявить себя в области крупномасштабного городского планирования еще до того, как урбанизм и соответствующая практика были четко определены. Он в совершенстве овладел навыком постоянно работать в разных масштабах. Его общее стратегическое видение было безупречно, но он также уделял внимание мельчайшим деталям исполнения. Например, его команда разработала уличную мебель, а затем промышленно изготовила ее по низкой цене. До сих пор скамьи, фонтаны, бывшие хранилища песка украшают улицы города.

Исторически сложилось так, что полномочия по планированию города во Франции принадлежат муниципалитетам. Страна сделала исключение, национализировав эту власть в 1942 году, прежде чем вернуть ее муниципалитетам посредством законов о децентрализации 1982 и 1983 годов. Важно помнить об этом общем принципе, потому что он объясняет поразительную эффективность и скорость работы Османа: всего семнадцать лет, чтобы полностью перестроить Париж. Этот исключительный подвиг стал возможен благодаря тому, что в качестве префекта Сены Осман обладал исполнительными полномочиями, которые сегодня принадлежат мэрам и председателям Генеральных советов, с дополнительным преимуществом, заключающимся в том, что местные собрания

назначались правительством, а не избирались. Выбор опытного и инициативного администратора, так хорошо описанный Персиньи, был в таком контексте необходимым и достаточным условием успеха предприятия, которого желал Наполеон III.

Градостроительство столицы крупного государства часто выходит за рамки общей схемы муниципальной ответственности. Помимо функций, выполняемых всеми другими городами, столица играет важную символическую роль, которая должна выражаться в ее городском планировании. Версаль, Бразилиа¹⁵ или Чандигарх¹⁶ – примеры того, как строительство монументальных новых городов отражает очень специфический политический проект, будь то абсолютная королевская власть или федерализм.

В истории Парижа прямые вмешательства глав государства встречались часто, но лишь немногие из них относились к сфере городского планирования. Большинство лидеров стремились связать свои имена с отдельно стоящими архитектурными объектами: дворцами, музеями, оперными театрами. Например, Дом инвалидов, строительство которо-

¹⁵ Столица Бразилии, спроектированная архитектором Оскаром Нимейером в 1957–1964 годах по инициативе Жуселину Кубичека, ставшего в 1956 году президентом страны.

¹⁶ Город на севере Индии был построен в 1951–1956 годах по проекту архитектора Ле Корбюзье совместно с кузеном Пьером Жаннере.

го было начато по приказу Людовика XIV. Только двое, Наполеон III и Шарль де Голль, действительно стремились начать глобальные процессы модернизации парижской агломерации, и они смогли найти в лице Жоржа-Эжена Османа и Поля Делуврье¹⁷ дирижеров, способных справиться с этой задачей.

Преобразование Парижа, которого жаждал Наполеон III, – это прежде всего крупный политический проект, демонстрация превосходства имперского режима над национальным и международным общественным мнением.

Часто поднимается дискуссия о том, что главной целью перестройки города была защита центральной власти от беспорядков и революций, столь частых с 1789 по 1848 год. Было бы наивно думать, что такие люди порядка, как император и Осман, не обсуждали это. Поддержание порядка силой и воспитание рабочих классов через зрелище красоты и доступ к благосостоянию неразделимы: «Эти просторные улицы, эти архитектурные дома, эти открытые для всех сады, эти художественные памятники, повышая благосостояние, совершенствуют вкус», – сказал Наполеон III на торжественном открытии бульвара принца Эжена, ныне бульвар Вольтера, в декабре 1862 года. Однако в воспоминаниях

¹⁷ Paul Delouvrier (1914–1995) – градостроитель, ответственный за планировки во Франции после Второй мировой войны в период «Славного тридцатилетия», активного экономического роста, с 1946 по 1975 годы.

Персиньи и префекта о желании подавлять недовольных властью напрямую не упоминается. Только одно упоминание об этом: Осман сообщает, что для придания проспекту Принца Эжена (сегодняшнему бульвару Вольтера) прямого и ровного профиля, который бы его устраивал, придется опустить и перекрыть канал Сен-Мартен, «заменяя тем самым защиту, которую раньше канал предоставлял бунтовщикам в их привычном центре протестов»¹⁸. Но утверждать, что все широкие бульвары и авеню были созданы для стрельбы из пушек или облегчения кавалерийских атак, явное преувеличение. Забота о поддержании порядка в столице империи осталась вторичной по отношению к целям общей организации городского пространства и эстетическому выбору.

¹⁸ Memoires du baron Haussmann. 1891. Т. 2. 1890.

Финансирование османизации

Животрепещущий вопрос, волнующий всех причастных к модернизации, касался ее финансирования. У императора в планах было снести средневековые трущобы и отстроить современный город. Откуда взять деньги на строительство? В первые же недели работы Осман ведет переговоры с министром Персиньи и своим предшественником Берже. Позже в своих мемуарах и Персиньи, и Осман припишут себе гениальное решение финансовой задачи. Впоследствии барон часто подчеркивал, что кроме него и императора никто из власть имущих не играл важной роли в модернизации. Хотя изначально он был выбран для выполнения программы преобразования, опубликованной в августе комиссией «Старого Парижа»¹⁹, а не для участия в ее градостроительных положениях и финансовом устройстве. Фактически менеджер и организатор, но не автор идей. Однако амбициозного префекта, желавшего перетянуть одеяло на себя, роль управляющего не устраивала. Первое, с чем он не согласился, так это с третьим пунктом плана Комиссии, который касался бóльшей свободы планировки. Одержимый осями и прямыми линиями, Осман его всячески оспаривал. Ради «культы осей» он готов уничтожить и зеленые насаждения, например Люксембургский сад, а также снести некоторые здания,

¹⁹ la Commission du vieux Paris.

такие как рынок des Innocents или церковь Saint-Benoît-le-Bétourné, потому что они стоят на пути прямых авеню.

Тем не менее раздельно или совместными силами, но министр внутренних дел и префект довольно быстро разработали оптимальную схему финансирования императорской программы.

В середине XIX века государственные бюджеты оставались по большей части операционными, ими было принято распоряжаться аккуратно, не прибегая к заимствованиям и кредитам. Города инвестировали в свое развитие только в той мере, в какой создавался профицит, а он чаще всего был незначительный. В Париже эта модель была доведена до крайности. Изучая документы своего предшественника Берже, Осман видел, что доходы занижены, а прогнозы расходов намеренно завышены. Эта осторожность совпадала с позицией буржуазии, разбогатевшей благодаря революции и продаже национального имущества. Имущественное отношение отдавало предпочтение внеоборотным активам, в идеале все стремились жить на доход от своего дохода. Но происходящая промышленная революция и бум современного банка рождают противоположное течение, играя на кредитах как на двигателе роста.

Дебаты 1852 года о вариантах финансирования модернизации поставили реальную фундаментальную проблему. Она должна была быть решена по личной воле Наполеона III путем применения теории производительных расходов, пред-

ложенной в первой половине XIX века философом и социологом Анри Сен-Симоном (1760–1825). Под влиянием сенсимонизма Наполеон III и инженеры, такие как Мишель Шевалье, или предприниматели, такие как братья Перейр, поверили в экономический волюнтаризм, способный преобразовать общество и победить бедность. Авторитарная власть должна была побудить капиталистов начать крупные работы, которые принесли бы пользу не только обществу в целом, но и беднейшим слоям населения. Стержнем обновленной экономической системы середины XIX века был развивающийся банк. Принципы Анри Сен-Симона нашли идеальное применение в проектах модернизации Парижа. Работа Османа будет решаться и контролироваться государством, осуществляться частными предпринимателями и финансироваться за счет займов.

На практике это означало, что профицит государственного бюджета, замаскированный префектом Берже, будет использоваться не для непосредственной оплаты текущих работ, а для гарантирования кредитов, необходимых для начала преобразования Парижа гораздо более быстрыми темпами. Теория Сен-Симона, которую возьмут за основу финансирования, состоит в использовании добавленной стоимости земли, экспроприированной, а затем перепроданной, и прибыли, полученной от соответствующих инвестиций в недвижимость. Таким образом, система становилась выгодной как для государственных, так и для частных инвесторов и теоре-

тически должна была позволить оплачивать новые работы.

Доктрина префекта заключалась в том, чтобы «покрыть расходы на строительные работы единственным излишком муниципального дохода, постепенно увеличивавшимся благодаря самому эффекту этих плодотворных операций». Сен-Симон писал, что в стабильном режиме государственные инвестиции становятся продуктивными. Таким образом, Париж фактически перестанет считаться администрацией и станет полноценным развивающимся бизнесом. С большой политической осторожностью префект хотел финансировать свою работу, занимая у банков и откладывая расходы на будущие поколения налогоплательщиков. Он отказался увеличить налоги населения и размер субсидии, рассчитывая только на развитие бизнеса, вызванное его постройками, для увеличения доходов, чтобы выплачивать проценты и понемногу амортизировать ссуды.

Осман, с его новым и смелым подходом, столкнулся лицом к лицу с традиционными финансистами, опасавшимися этого безрассудного натиска, в частности с натиском банка во главе с Ротшильдом. Чтобы иметь больше поддержки, префект поддерживал создание и развитие новых выгодных для него банков: *Crédit Mobilier* братьев Перейр, основанный в 1852 году, и *Crédit Foncier*, созданный путем объединения нескольких мелких земельных банков.

От государства во главе с Наполеоном III префект получил 50 миллионов франков на всё. В период с 1859 по 1867

год власти заработали в пять раз больше, чем субсидировали, то есть почти 250 миллионов. Париж и впрямь стал успешным бизнес-проектом!

К моменту назначения Османа префектом закон 1841 года об экспроприации земель в пользу государства, которым Рамбюто так и не успел полноценно воспользоваться, расширили. Декрет-закон от 25 марта 1852 года позволял экспроприировать все соответствующие наделы, а решение общественной полезности зависело только от Наполеона III. Из закона следовало: «В любом проекте экспроприации для расширения, выравнивания или формирования улиц Парижа администрация будет иметь возможность включить все затронутые здания, если она сочтет, что оставшиеся части не имеют площади или формы, которые позволяли бы возвести там чистую и здоровую застройку». Таким образом, гигиена становится инструментом спекуляций, одним из орудий перестройки города с чистой совестью, под похвальным достойным предлогом.

Поначалу успех неоспорим! Осман получает от Государственного совета возможность действовать путем конфискации участков. Последующая перепродажа земель, увеличенных за счет строительства новых бульваров, принесет значительный прирост капитала в пользу города: развитие платит за развитие – все как и планировал префект.

Возникла целая банковская система, основанная на операциях с землей и недвижимостью, существовавшая отдель-

но от традиционной банковской деятельности. Братья Перейр, владельцы банка *Crédit Mobilier*, организовали кампанию, которая собрала 24 миллиона франков для финансирования строительства улиц в обмен на право застройки вдоль дороги. Они покупали земли в центре города у властей по низким ценам, благодаря экспроприациям обустраивали их и выгодно перепродавали. Например, в районе Лувр-Риволи в 1854 году они купили участки по цене 380 франков/м², а недалеко от Конкорда земля стоила 950 франков/м².

Всего с 1853 по 1869 год Жорж-Эжен Осман оформил четыре займа, потратив на работы за почти 17 лет деятельности 2,5 миллиарда франков, тратя от 50 до 80 миллионов франков в год. Если первый заем в 1855 году в размере 600 миллионов и второй, в 1858–1860 годах, были без труда одобрены законодательным органом, то за третий кредит проголосовали с большим трудом. Последний, четвертый, кредит в 1869 году вызвал ярость и недовольство. Растущее напряжение демонстрировало и ослабление власти и престижа Наполеона III, и рост популярности республиканцев. Знать из провинций и регионов, господствовавших в Палатах, не желали платить за столицу в ущерб развития их территорий.

Наполеон III подарил Жоржу Осману власть и отсутствие контроля. Только при таких беспрецедентных условиях был возможен почти полный снос города и строительство нового. Но эйфорический старт барона Османа не продлится долго. Экспроприацию земель у жителей Парижа по легкому им-

перскому указу, сотрудничество с дружественными банками, перепродажу земель и участков Государственный совет перестает поддерживать. И отказывается одобрять конфискации больших территорий на том основании, что декларация общественной полезности может применяться только к землям, предназначенным для включения в общественное достояние, а не к землям, предназначенным для перепродажи. Второй щепетильный момент, менее известный, чем первый, был связан с хитрыми манипуляциями префекта и его команды. Имея предприимчивых менеджеров, власти города экспроприировали земли с опережением на несколько лет, чтобы освободить здания от своих обитателей по мере истечения срока трехлетней аренды. Благодаря этому договоры аренды расторгались без компенсации в соответствии с законами того времени. Так Осман не тратил деньги на выплаты бывшим владельцам, сохраняя деньги в бюджете. Как только это выяснилось, кассационный суд изменил закон, установив обязательную компенсацию жильцам, лишившимся имущества.

В результате одна из самых больших трудностей, с которыми сталкивались городские планировщики, заключалась в возмещении стоимости земли, добавленной общественными работами. Они финансировались из государственных средств, но добавленная стоимость доставалась частным владельцам, получавшим выгоду от улучшения района (но не жильцам, потому что, когда они получали более высокий

уровень комфорта, их арендная плата одновременно увеличивалась). После 1858 года владельцы приобрели привычку оспаривать конфискации в государственном совете, который все чаще выносил решения в их пользу. Добавленная стоимость, созданная в результате работы, больше не возвращалась городу, а возвращалась к бывшим владельцам, что серьезно угрожало финансированию работ и вынуждало Османа изобретать все новые методы финансирования.

В своих мемуарах барон Осман классифицировал градостроительные операции как «trois réseaux» – «три сети» – термин, который будет использоваться для обозначения всей семнадцатилетней стройки. Три сети не относились к приоритетам или урбанистическим схемам, но разделяли этапы работы в соответствии с предпринятыми способами финансирования. Первая сеть определяла все городские процессы, начатые еще до назначения префекта и завершённые под его эгидой, вторая сеть относилась к работам, на треть финансируемым государством, и третья должна была финансироваться городом только благодаря кредитам.

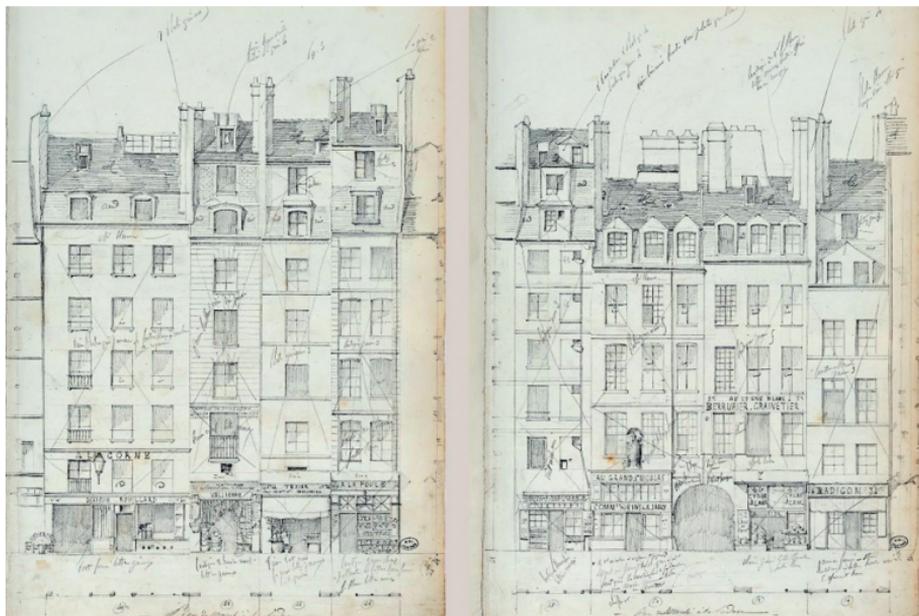
Стадия «первой сети» длилась с 1851 по 1855 год. В Париже проложили 9,5 километра дорог, завершили строительство центральной улицы Риволи, начатой еще при Бонапарте, и построили ось север – юг от Севастопольского бульвара до бульвара Сан-Мишель. Четыре года стройки обошлись городу в 272 миллиона франков, включая 121 миллион, предоставленный кредитами в 1852 и 1855 годах. Вто-

рая сеть (1858–1868) должна была соединить центр Парижа с периферией. В этот период Осман тратил те 50 миллионов от государства и добавил 27 километров дорог. С третьей, финальной, сетью возникло больше всего проблем. Она подвергалась наибольшей критике и труднее всего финансировалась: необходимо было расширить город до недавно присоединенной периферии, то есть на 28 дополнительных километров без государственной субсидии. Стоимость этих работ оценивалась префектом в 300 миллионов франков.

Забегая вперед, скажу, что после завершения работ барон Осман успешно перепродал неиспользуемые участки земли, стоимость которых значительно возросла благодаря улучшениям городской среды. Между 1860 и 1864 годами городские власти перепродали парижских земель на 162 миллиона. Вся схема финансирования была немного похожа на идею городской добавленной стоимости, компенсирующей задолженность города, которая в любом случае должна была сильно и надолго ложиться на муниципальные бюджеты, поскольку только в 1910 году город заканчивает выплату последнего кредита империи, взятого в 1869 году.

Сохранение памяти

Если мы говорим о деятельности Османа, то не он спроектировал главные парижские проспекты. Осман руководил операцией и заботился об административных аспектах, таких как общественные работы или финансирование. Именно урбанисту и архитектору Эжену Дешаму, куратору парижского плана, мы обязаны планировкой бульваров и авеню. В ноябре 1851 года Дешам, явно равнодушный к историческому наследию, написал письмо архитектору Габриэлю Давиу: «Прорыв улицы Риволи уничтожит почти 250 домов, 80 из которых будут снесены в январе следующего года. Администрация хочет сохранить хотя бы память об этих районах, которые исчезнут». С помощью своей команды Давиу посвящает себя выполнению задачи по сохранению памяти, хотя она превышала первоначальный заказ и требовала много времени. Обмеры и перенос средневековых домов на бумагу продлились три года и затронули более чем 1000 домов, расположенных на нынешнем месте улицы Риволи между молельней и ратушей и на улице Сен-Жак на левом берегу. Дома были разрушены между 1852 и 1854 годами.

Чертежи Габриэля Давиу

Давиу с командой создает цветные точные чертежи. К сожалению, они исчезнут в дыму при пожаре ратуши во время Парижской коммуны в 1871 году. Как подчеркивает архитектор и историк Пьер Пинон (1945–2021): «Дома будут разрушены дважды: сначала киркой по-настоящему, а затем, символически, пламенем».

От многодельной работы команды Габриэля Давиу остались только карандашные наброски, подготовительная работа для полноценных цветных чертежей. Тем не менее они уже чрезвычайно подробны. Указаны названия вывесок магазинов, прорисованы жалюзи и ставни. Многочисленные

аннотации дополняют эскизы, описывая цвета или материалы зданий. На этих эскизах отсутствуют только жители, эта драгоценная коллекция представляет нам город-призрак, заброшенный, мертвый, готовый к сносу. Из вычерченных Габриэлем сохранилось лишь несколько зданий, такие как башня **Сен-Жак** и протестантская церковь **Оратуар дю Лювр**.

Вскоре после выполнения серии рисунков Габриэль Давиу был нанят в 1855 году Эженом Дешамом в качестве архитектора-инспектора в бюро архитектурных работ. Он создаст множество парижских зданий, некоторые из которых до сих пор являются жемчужинами столичной архитектуры: фонтан Сен-Мишель, театры на площади Шатле (Театр дю Шатле и Театр де ла Виль), ворота парка Монсо и Площадь Тампль, искусственная пещера Венсенского леса, ротонда озера Домениль, ратуша XIX округа. Он также был архитектором Дворца Трокадеро, построенного к Всемирной выставке 1878 года и разрушенного в 1935 году.

*aligner à
la même*

aligner à la

Чертежи Габриэля Давиу

Через несколько лет барон Осман нанял официального фотографа, который запечатлел исчезающий город, чтобы дополнить работу Давиу. Но серия фотографий не охватила столько зданий, сколько было начерчено в драгоценной коллекции архитектора.

Человек, запечатлевший средневековый Париж

К началу строительства нового Парижа у властей возникла идея нанять профессионального фотографа, который вел бы летопись городских изменений. Выбор пал на Шарля Марвиля (1813–1879), он был одним из пионеров фотографии во Франции. В 1853 году ему уже посчастливилось фотографировать свадьбу и свадебный декор Наполеона III и Евгении в соборе Нотр-Дам. В 1858 году, когда он был официальным фотографом императора, городские власти заказали у него серию фотографий Булонского леса, который недавно был открыт для публики. В 1862 году его назначают официальным фотографом Парижа. Чтобы сохранить память об облике старой столицы, разрушенной великими работами, префект создает службу исторических работ, которая поручает Марвилю увековечить наследие, обреченное на исчезновение. Главной целью было показать старый, страшный, неудобный средневековый город, нуждающийся в реновации, новых технологиях и комфорте. Между 1865 и 1869 годами Шарль создает серию из 425 фотографий улиц Парижа. В 1865 году публикуют «Альбом старого Парижа», в котором собраны виды старых парижских улиц до их разрушения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.